

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 398

Художественная структура адыгских исторических и историко-героических песен*Шаазо Ш.Е.*

Представлено академиком АМАН А.Х. Тлеуж

Типологическую и поэтическую близость нартских произведений и произведений более позднего периода, особенно историко-героических отмечают многие исследователи. Непосредственная связь была и по времени, и по художественно-эстетическим измерениям: для исторических песен традиции эпосов были «живым художественным источником» (Б. Путилов). «В них содержится такие черты героического эпоса, как обобщение, фантастика, гиперболизация, развитый сюжет, эпический стиль повествования. Взаимодействие между эпосом и исторической поэзией сильнее всего сказывается на песнях XVI века с социальной тематикой, посвященных одиноким героям».

Причин тому может быть много – объективных и субъективных, но основная состоит в том, что художественно-поэтические и духовно-нравственные традиции эпоса были столь мощными и многосторонне глубокими, что они сохранились живой и созидательной энергией в памяти народа. Да и не могли они в недрах сложных событий истории затеряться, потому что и по сей день обладают выдающимися художественными и жизненно важными философскими обобщениями. Для следующего поколения поэтов и философов сказания и пщынатли нартского эпоса, его философия и эстетика оказались важнейшей школой, главным ориентиром в художественных исканиях народа. Тем не менее, национальной поэзией был сделан очень важный художественно-методологический шаг: насколько герои эпоса о нартах были исторически достоверными, мы знаем мало, хотя существенные характеристики эпохи мы постигаем и через них. Другое дело – исторические песни, плачи (гъыбзэ), пщынатли о действительно существовавших в национальной истории героях – об Айдамиркане, славных тфокотлях Хатхе Мхамете и Хатхе Кочасе, Мафоко Урусбие и Ханохоко Кимчерие и других.

Однако при очень активной эволюции жизненного содержания, характера его освоения в героико-исторических песнях наиболее консервативными остаются художественно-поэтические средства реализации идейно-эстетической мысли. И сказочные, и полусказочные – широкий спектр поэтических форм и средств выражения идеи, используемых в эпосе, – напрямую находят творческое применение в историко-героических сочинениях народа. Можно сказать, что оказывают влияние на автора исторических песен известные, готовые сюжетно-композиционные и художественно-выразительные клише, апробированные в нартском эпосе.

В поэтическом осмыслении нового, исторически достоверного материала, используются якобы старые, но подтвердившие в веках свою жизнеспособность поэтические, языковые, стилистические и структурно-содержательные приемы. Таковы, например, невероятные события вокруг неизвестных исторических лиц, сказочно-быстрые и смелые перемещения героев в пространстве и времени, повторение в этих песнях и пщынатлях трех – или семиразовых узлов сюжета и композиции, определенных ситуаций, скажем, между матерью и сыном (молодым), собирающимся искать исчезнувшего отца, почти одинаково проявляющихся в текстах нартского эпоса и исторических песен.

Имея в виду цикл об Айдамиркане, А. Гутов в своей книге отмечает в трактовке образа героя и системы поэтических средств его раскрытия такие черты, которые особенно

характерны для поэтики нартского эпоса. «С одной стороны, здесь (в цикле об Айдамиркане – авт.) отмечаются такие архаические мотивы, как необычное рождение, богатырское детство, полумифический богатырский конь, гиперболизация богатырской силы, встреча со змеем, встреча с языческим божеством и т. д. С другой стороны, есть целый ряд моментов, которые призваны указывать на реальную историческую основу цикла, как то: упоминание в песне и сказания имен исторических личностей (Беслан Тучный, Биту, Ахло, Камбулат и др.). Мотивируя тем обстоятельством, что персонажи, фигурирующие в цикле, отождествлены с историческими лицами, исследователи утверждают, что и «главный герой, Айдамиркан, (кабардинцы называют героя «Андемирканом», адыгейцы – Айдамирканом – Ш. Ш.) также является личностью исторической».

Разговор об исторической реальности основ героических песен сводится к мысли об индивидуальном авторстве или всенародности авторства этих произведений. Существовало глубокое убеждение, что и «Песнь о Роланде» или «Песнь о Нибелунгах», как и «Романа» или «Махабхарата», создавались всем народом как свод разноавторских произведений, затем сложившихся в единое художественно-поэтическое целое. Приведем суждение В. Жирмунского по поводу «сводного», «соединительно-сложенного» начала эпических циклов: «... уже с середины XIX в. теория редакционного свода и критические методы Лохмана встретили в Германии серьезные возражения. Главный оппонент Хольцман писал в своем исследовании о «Нибелунгах»: «невозможно поверить такому чуду, чтобы из народных песен, приставленных друг к другу, могло возникнуть единое поэтическое произведение». «Теории наших ученых, – справедливо заявлял Хольцман, – равнодушно разрушают единство художественного произведения». Суть теорий Хольцмана и интерпретаций В. Жирмунского сводится к утверждению мысли о невозможности создания крупного законченного поэтического произведения «путем сложения» народных песен.

Как бы это на деле ни происходило, адыги создавали целое большое звено в своем поэтическом развитии произведений, получивших ныне названия историко-героических, имеющих реальное основание и завершенное художественное целое – со своими поэтическим миром, языковыми и стилистическими особенностями, духовными и интеллектуальными ценностями.

История – во времени и пространстве, а в пространстве и времени происходят события, в них участвуют лица или не участвуют. То есть, история – в лицах и событиях. В том-то и ценность исторических песен и их героев, что они возвращают нас в наших духовных исканиях к тому, что было давно и, кажется, ушло безвозвратно. Но не совершенное наше сознание приобщает нас стихийно к мысли, что это давно бывшее может повториться. Не было бы этих героев – не было бы именно этой истории, так велика роль человека в истории. Он несет ее в себе, для того чтобы затем передать ее другим поколениям. Смысл и содержание истории глубоко изучены К. Ясперсом. Хотим привести одно из множества его суждений об истории: «История – это постоянное и настойчивое продвижение вперед отдельных людей. Они призывают других следовать за ними. Те, кто их слышит и понимает, присоединяются к этому движению. История – это великий вопрос, ещё не получивший решения, который будет решен не мыслью, а только самой действительностью; вопрос этот сводится к тому; является ли история в своем порыве мгновением, промежуточным звеном между неисторическими существованиями, или это прорыв глубинных возможностей, которые даже в образе безграничных несчастий, подвергаясь опасностям и постоянным крушениям, в целом ведет к тому, что бытие будет открыто человеком, а он сам в непредвиденном взлете обретет свои неведомые возможности». Следовательно, история включает в себя не просто даты и события, отдельных

лиц, она объемлет громадное количество проблем, связанных с человеком, его деяниями, с бесконечно многообразным процессом самодвижения времени и пространства, тем самым давая человеку возможность познания этих процессов и явлений - в прошлом, настоящем, будущем, с основательной убежденностью в том, что «бытие будет открыто человеком».

Поэтому события и люди в истории становятся носителями и хранителями глобальных идей. И если это в рамках истории одной нации, одного народа – то хранителями важнейшей национальной идеи и энергии национального самосохранения и развития. Ведь своеобразие каждого из национальных духовно-культурных образований в конечном итоге сводится к наличию самоценной, в веках пронесенной национальной идеи у этого духовно-культурного феномена, ибо она только способна в более законченной и совершенной форме передать из поколения в поколение важнейшее зерно национальной духовной самобытности.

Как ни много прошло веков (точно наука ещё не установила) между временем создания и формирования нартского эпоса и циклов историко-героических песен, мы не обнаруживаем вакуумного пространства в духовном развитии народов, их создавших, в том числе и адыгов; постольку поскольку они обладают величайшей самозначимой и само совершенной идеей сохранения себя в адыгском сообществе, своего духовно-культурного материка, не похожего на другие материка. И поскольку у адыгов всегда, во все времена пространство самоуправления и самоутверждения было менее значительным по сравнению с пространственно-территориальными и людскими возможностями ближайших соседей, то национальная идея самосохранения и духовного самоутверждения обрела обостренный, драматический характер. Проявляющиеся в нартском эпосе и героико-исторических песнях огромные пространства имеют почву в широких и глубинных основах мифологического сознания народа. То есть этот «пространственно-временной» парадокс часто оказывается плодом иллюзорно-гиперболической, но живой и сильной фантазии художников, творцов народного эпоса.

Много раз были изданы героико-исторические песни и каждая из песен имеет много вариантов. Объяснения этому существуют. Шабан Кубов – один из знатоков духовно-поэтического наследия адыгов – объясняет это просто и ясно: «У адыгов всегда были враги, чтобы защитить свою землю и свою свободу, они вынуждены были воевать столетия и не успели как следует обустроить свою жизнь, не получилось у них заняться учебой – образованием. Поэтому язык адыга оказался не защищенным печатными, книжными знаками. Единственным охранителем богатого языка адыгов оказалась устная его передача от поколения к поколению. По этой причине многое из созданного адыгскими поэтами - песнопевцами исчезло навсегда».

Что же есть так называемые исторические песни? Насколько они историчны и отвечают требованиям подлинной историчности фольклора? Вопросов не мало, однозначного ответа на них нет. Термины историзм и историчность далеко не адекватны, что не требует особых доказательств. Любое правдивое художественное произведение, в каком бы жанре оно не создавалось, содержит определенную эстетико-идеологическую сумму знаний об истории времени, характере эпохи, то есть немалую долю историзма. Иначе оно не может быть названо художественным произведением. Историчность произведения связана с реальностью раскрываемых в нем исторических событий, значительно влияет на их ход или столь же значительно сдерживает.

С песнями о далеком и недалеком прошлом (но все-таки уже о прошлом) в разных этнических ситуациях происходили почти одни и те же явления - их просто называли

старинными или старыми, не разделяя ни по материалу, ни по жанровым признакам. «В течении XIX века как исполнители, так и слушатели фольклора объединяли под словом «старина» все разновидности песен эпического содержания, не выделяли былин, исторических песен, так называемых «баллад» и «духовных стихов», – пишет Мещерский.

Народ довольно четко проводил грань между сказкой и былиной, говоря, что «сказка – сладка, а песня – боль», то есть в песне запечатлевается то, что происходило на самом деле. Однако, не так просто все шло в самой науке о фольклоре, особенно о песнях. Например, сторонники направления, получившего название мифологического (Ф. Буслаев, А. Афанасьев и др.) считали, как утверждает Н. Мещерский, что так называемые исторические песни своим началом имели мифологическое ядро, повествующее о явлениях природы: в этом и состояла, по их мнению, «связь эпоса с историей». Песни рассматривались как живые памятники глубокого доисторического времени.

Но существовала и другая школа – представителем её был Вс. Миллер. Как излагает Н. Мещерский взгляды Миллера, последний склонен был считать, «что песни сначала прямо отражали события той эпохи, когда они создавались. В процессе дальнейшей эволюции забывались и искажались исторические подробности. Ученые этой школы соотносили былины с историей, обращаясь к летописям и другим современным эпохе документам».

Не включаясь в открытый спор, тем более в острую полемику с авторами суждений о прозрачности исторической основы фольклора в целом, былин и героических песен в частности, Н. Мещерский приводит справедливый, **объективно-исторический** довод: «...уместно коснуться проблемы устойчивости и изменчивости фольклорных текстов вообще и былин в частности. Устойчивы эти тексты по их идейному содержанию, по выдержанности основного сюжета, по последовательности цепи сменяющих друг друга мотивов. Однако в фольклорных записях очень редки лексические архаизмы или совершенно отсутствуют. Если бы это было не так, то сказители былин неизбежно выступали бы перед понимающей текст аудиторией». Как видно из объяснений Н. Мещерского, изменениям подвергаются лексические, словарно-стилистические стороны эпического произведения, а не его структурно-идеологические или художественно-первородные начала. Но если такое и происходит то это (в редких случаях) или по незнанию сказителем основного сюжетно-мотивного ряда, или еще хуже – по сознательно-авантюжному травестированию.

В отличие от историко-героических песен русского фольклора, которые в большинстве своем имеют летописно-документированные основы, адыгские исторические, поэтические произведения не обладают подобными подтверждениями, что однако не говорит об их неисторичности или об идеализации их изначально существовавшего реально-объективного содержания. Из анализа адыгских историко-героических песен С. Аутлева выводит следующее суждение: «... собственно исторические песни короче песен переходного (между ними и нартскими произведениями – III. III.) типа. И широкое изображение жизни героев для них не является характерным. Обычно в таких песнях обыгрывается один эпизод – бой, где показывается поведение воинов. Исторические песни многогеройны, отчего и происходит название «лЫбэ пщыналъ» или «лЫбэ уэрэд», т. е. песни или пщынатли «о многих мужах». С Аутлева отмечает, что песня могла быть посвящена одному герою, одному событию, но она нередко повествовала и о «многих мужах», если подвиг был массовым, если в событии принимало участие много воинов - «ЛЫбэгъыбз», то есть «Плач о многих мужах» (перевод дословный). Такая «жанровая разновидность» (даже в рамках одного вида) историко-героических песен свидетельствует о стремлении народа-творца воспеть подвиги героя-одиночки, и героя исключительного, особенного,

но и всех героев, не забывая никого и ничего: и с целью не только воздать должное каждому, а чтобы каждый, кто послужил народу, кто воевал за него, оказался в памяти потомков. Потому что время – коварное, оно стирает в памяти многое, если иногда не все, как говорил выдающийся фольклорист и поэт Шабан Кубов в предисловии к книге «Адыгэ орэдхэр». Одним из самых популярных и по сей день историко-героических произведений являются песни и плачи об Айдамиркане. Их много – и в Адыгее, и в Кабарде, и в Черкесии. При этом необходимо учесть что айдамиркановские поэтические сюжеты присутствуют в сюжетно-повествовательном репертуаре и других северокавказских народов. В результате этого существуют определенные расхождения в некоторых мотивно-повествовательных ситуациях песен о нем. Это, по-видимому, одна из особенностей той «идеализации» первоначального сюжетного мотива известных героических песен, о которой упоминается в статье Н. Мещерского.

Развивая песенно-героический сюжет, создатель песни-поэмы рассказывает о подвигах Айдамиркана, о походах на Астрахань, на другие земли, о его встречах с разными воинами – и чужими, и своими. Песня завершается вновь восхвалением героя, которому отданы и симпатии безымянного создателя, и страсти, и талант современного сказителя:

*Ежъ л1ыхъу шэджашэзэти, нартмэ яшбаомэ ятхыд
 Былымыр ытынк1э нахъыпэрэ нартмэ уапаш1.
 Хъунк1эр ыш1ынк1э шыушигэ къабзэр ш1омак1,
 Хъак1эу уек1ол1эжъмэ, шыу купит1ур къыкъуанэ.*

*Он муж-великан, словно нартских сказаний герой,
 Он, как и прежние нарты, щедр на раздачу добра.
 Если в разбой решился, для него сто скакунов мало,
 А в гости пришел к нему,
 Для него и две группы всадников не много.*

(Подстрочный перевод)

Образ колоса, но одновременно простого человека, воссоздается воспеванием выдающихся подвигов Айдамиркана в сочетании с подробным рассказом о его обыкновенных земных поступках – деяниях. Будучи убежденным в том, что богатство у богатых появилось не через их труд и интеллектуальные усилия и честные стремления, он отбирает у них его и отдает неимущим, больным, страждущим, при этом не всегда (или очень редко) подчеркивается их социальный статус и положение в обществе. Ни перед кем герой не гнул спину, но и никого и никогда не заставлял это делать перед собой.

То есть речь идет о высоком уровне народного художественного мышления, рисующего многогранный характер, создающего сложную концепцию личности героя. Он по народному представлению, лишен таких человеческих качеств, как хитрость, ловкость (в смысле ловкачества), обман. В любом деле герой верен слову, чрезвычайно предан своему народу, другу, в бою не подведет, не станет за чьей-то спиной, он презирает слабодушие, трусость, стремление погреть руки и душу за чужой счет, умеет постоять за женщину. В «Песне об Айдамиркане», мажорной, торжественно-одической, призванной передать лучшие человеческие качества героя, показывающей его подвиги, есть концовка, в которой говорится о его гибели.

Народ создал еще один вариант поэмы об Айдамиркане – «Плач об Айдамиркане», в котором повторяются многие композиционные и мотивные, поведенческие варианты других песен цикла. Тем не менее «Плач об Айдамиркане» отличается особой отточенностью, необычайно высоким уровнем стиховой культуры. В «Плаче ...» тоже говорится о

подвигах героя, народ им гордится, говорит о нем величественные слова, но они звучат иначе, с осознанием случившейся трагедии, с чувством великой, невосполнимой утраты. В отточенных словах, в сильном, мужественном ритме, в спокойно-драматическом голосе создатель стремится высечь, как из камня, из гранита, фигуру воина, мужа, героя, с именем которого народ связал свои лучшие надежды и чаяния. «Плач об Айдамиркане», безусловно, достойное художественно-философское завершение этого знаменитого цикла, ставшего одним из выдающихся памятников культуры адыгского средневековья, означившего вслед за «Нартами» великолепное звено в поэтическом развитии духовного содержания народа.

Народ сложил и поет их как песни. Но кроме песенного содержания, в них так много от эпически-событийного повествовательного начала, что они могут быть квалифицированы как поэмы со своими особенностями и качествами, вытекающими из произведений данной жанровой категории. Этими качествами обладает и песня «Пщынатль о братьях Ечаноковых». Она повествует о подвигах двух братьев, известных в адыгской истории. Они становятся главным объектом художественного познания эпохи, ее моральных, нравственных и духовных институтов, менталитета, психологии, национального кодекса народа.

Десятков и десятков произведений, таких как «Песня о сыне Атабия», «Доброй женщины два сына», «Пшинатль о Бореже», песни о Хатхе Мхамете, Хатхе Кочасе, о героях-шапсугах, – то есть этого вида поэм собраны и прокомментированы в книге Абу Схалыхо «Немеркнувшие звезды». Эти песни издавались в Кабарде, Черкесии и в Адыгее, они имеют соответствующие характеристики в трудах адыгских писателей-просветителей Хан-Гирея, Шоры Ногмова. То есть составляют целый и значительный пласт в адыгской духовной истории, в национальной исторической и художественной памяти.

В героях видели воплощение идеала. Таковы Айдамиркан, Хатхе Мхамет, Хатхе Кочас, Ханахоко Кимчерий, десятки других известных в истории адыгов лиц. Таков и Тугужуко Кызбеч, один из тех адыгов, которые пронесли гордо адыгское знамя, приумножая менталитет и славу адыгов. Своими деяниями он оставил след в адыгской истории. У него судьба не из легких, семья его была уничтожена солдатами-казаками, из-за чего Тугужуко Кызбеч вел постоянные войны с ними, бывал в Мекке, Турции, других странах. Свидетельства о нем оставили многие европейские публицисты-путешественники. Да и адыгская история и национальная песенно-устная культура создали немало сказаний, хабаров, притч, восторженных отзывов о нем, – словом, фигура значительная, легендарная. Известны его многочисленные походы, но особо в записях путешественников и воспоминаниях очевидцев-участников отмечалась битва у реки Абынь (1834), когда Тугужуко Кызбеч во главе 700 всадников-воинов разбил 12-тысячную армию неприятеля, за что был назван «адыгским львом». После этого он воевал еще 6 лет, имея в теле 6 серьезных ран, скончался 28 февраля 1840 года, – пишет А. Схалыхо.

Таким образом, перед нами личность, человек, воин, сын своего народа, который верой и правдой, неутомимым трудом воина-труженика заслужил честь быть героем народной песни, историко-героического сочинения. Создатель произведения вкратце дает описание родословной героя не перечисляя его подвиги: народ знал, что за род был Шеретлуки, историю рода, и если создатель просто называет имена, значит, это имена известных адыгам, достойных людей.

*Ятэшхор Елмыцэжзу,
Ащ ыкзор Тыгужэж, -
Тыгужэжыкзо Кызбэч.*

Как видите, все три строки, зафиксировавшие личности четырех героев: дед Кызбеча – сын сына Елмыща (прославленный прадед героя), то есть сын Елмыща, а сын Елмыща Тугуж (в дословном переводе – Волк) тоже не из последних героев в сланом шапсугском роде. Сын же его Кызбеч унаследовал славу и мужество трех поколений знаменитых предков, следовательно, он не должен ни в коем разе ронять честь, достоинство семьи, рода. Так в нескольких строках – внешне весьма скупых, сочинитель дает понять, что речь пойдет о человеке, имя которого дорого всему народу, о мужестве необыкновенном, о бесстрашных походах и победах на войнах во имя своего народа.

Истории поэтического творчества адыгов – тысячи лет. Свою главную историю народ прожил и сотворил в те давние тысячелетия; последние два столетия второго (нового) тысячелетия народ, оказавшись в центре общемировых интересов, будучи не в состоянии по своей малочисленности и слабой вооруженности противостоять миллионам врагов и защитить себя, свою землю, шел к разрушению, разорению, физическому исчезновению или ассимиляции среди других, более могущественных народов мира. Однако, осталось мощное духовное наследие – народное творчество, песенное искусство, поэтические произведения, которые ни в чем не уступают известным мировым образцам, общепринятым шедевром художественного творчества за всю его историю и сознательную творческую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгейские песни. Собрал и составил Ш. Кубов. Сирия, Дамаск. 1954.
2. *Аутлева С.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик, 1973. С. 7
3. *Гутов А.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик, 2000. С. 34.
4. *Жирмунский В.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 284–285.
5. *Пропп В.* Русский героический эпос. 1955. С. 26.
6. *Путилов Б.Н.* Русский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. 315 с.
7. *Мещерский Н.А.* Об отражении в русском героическом эпосе исторического прошлого и жизни народа // *Ж. Русская литература.* 1984. № 2.
8. *Схалыхо А.* Немеркнувшие звезды. Майкоп, 1994.
9. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974.
10. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.

ABSTRACT

From myth to historical and heroic works, the path is long and ambiguous. Centuries were designated between them: a huge temporal and spiritual space lay. The poetics of the epic? Narts is directly associated with the development of artistic and heroic songs and ethnogenetic roots of folk poetry.

Keywords: myth, poetics, epics, typology, themes, songs, cries, legends, philosophy, hyperbole, mentality.

Adygeya republican institute of humanitarian studies named after T.M. Keraseva, Maikop

© Sh.E. Shazzo, 2019

АННОТАЦИЯ

От мифа к историко-героическим произведениям – путь долгий и неоднозначный. Между ними обозначились столетия: пролегло огромное временное и духовное пространство. Поэтика эпоса ?Нарты непосредственно связывается с развитием художественно-героических песен и этногенетических корней народно-поэтического творчества.

Ключевые слова: миф, поэтика, эпос, типология, тематика, песни, плачи, сказания, философия, гипербола, менталитет.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Май-коп

© Ш.Е. Шаззо, 2019